

*Посвящается Луи, Матильде, Изе —
солнышкам моей жизни*

I. Убийца

1

Крик был узником органа.

Он свистел в его трубах. Разносился по церкви. Приглушенный. Отрешенный. Бесплотный. Сделав три шага, Лионель Касдан остановился у зажженных свечей. Окинул взглядом пустые хоры, мраморные колонны, стулья, обитые темно-малиновой искусственной кожей.

Саркис сказал: «Наверху, возле органа». Касдан развернулся и скользнул вверх по винтовой каменной лестнице, ведущей на галерею. У органа церкви Иоанна Крестителя есть одна особенность: трубы, похожие на батарею ракетных установок, расположены по центру, а клавиатура пристроена сбоку — справа, под прямым углом к корпусу.

Касдан двинулся по красному ковру вдоль синих каменных перил.

Труп был втиснут между органами трубами и клавиатурой.

Лежит ничком, правая нога согнута, руки судорожно сжаты, словно человек пытается ползти. Вокруг головы нимбом расползлась красная лужица. Рядом валяются партитуры и молитвенники. Машинально Касдан взглянул на часы: 16.22.

На миг он позавидовал этому смертному покою. Ему всегда казалось, что с возрастом страх перед небытием должен становиться все более невыносимым. Но с ним получилось наоборот. В нем появилось какое-то нетер-

пение, напоминающее магнетическую тягу к смерти, которое с каждым годом только росло.

Тогда он наконец обретет успокоение.

И смолкнут одолевающие его бесы.

Кроме кровавого пятна, никаких следов насилия. Возможно, органист скончался от сердечного приступа и разбил голову при падении. Касдан опустился на одно колено. Лицо мертвеца скрыто согнутой рукой. *Нет, убийство.* Он это нутром чуял.

Локоть жертвы упирался в педаль органа. Касдан не разбирался в устройстве инструмента, но догадался, что прижатая педаль открыла оловянные и свинцовые трубы, увеличив силу крика. Как убили этого человека? И почему он закричал?

Касдан поднялся и достал телефон. По памяти набрал несколько номеров. Каждый раз его голос узнавали и отвечали «о'кей». Живое тепло растеклось по жилам. Выходит, он пока не умер. Во всяком случае, не совсем.

В памяти всплыл «Секретный агент» Альфреда Хичкока, черно-белый фильм из тех, что помогали ему убивать послеобеденное время в артахусных кинозалах Латинского квартала. Там двое шпионов обнаружили в швейцарской церквушке за клавиатурой органа труп, чьи окостеневшие пальцы выжимали из инструмента нестройный аккорд.

Подойдя к балюстраде, он оглядел зал у себя под ногами. В глубине апсиды полотно с изображением распятия в окружении ангела евангелиста Матфея и орла евангелиста Иоанна. Люстры с подвесками. Расшитый золотом алтарный занавес. Пурпурные ковры. Армянская версия той же сцены из фильма Хичкока.

— Какого черта вы здесь делаете?

Касдан обернулся. Возле лестницы стоял незнакомый ему мужчина — низколобый, с густыми бровями. В полумраке он смахивал на нарисованную черным фломастером карикатуру. Казалось, он в ярости.

Касдан молча приложил палец к губам: «Ш-ш». Он еще пытался прислушиваться к замиравшему свисту. Когда звук окончательно стих, он представился:

— Лионель Касдан, майор уголовного отдела.

Гнев на лице незнакомца сменился недоумением.

— Все еще служите?

Вопрос не требовал ответа. Вид Касдана уже никого не мог ввести в заблуждение. В спортивной куртке и брюках песочного цвета, с ежиком поседевших волос, с замотанной шарфом шеей, он выглядел на все свои шестьдесят три года и скорее походил на наемника, брошенного на каменистой дороге в Чаде или Йемене, чем на офицера полиции при исполнении.

Тот, другой, являл собой его полную противоположность: молодой, полный сил, самоуверенный. Тяжеловес, затянутый в блестящую зеленую куртку-бомбер, он и не думал прятать табельный «глок» на поясе мешковатых джинсов. Общими у них были только габариты. Два бугая ростом больше метра восьмидесяти пяти и весом под сто килограммов.

— Стойте на месте, — сказал Касдан. — Затопчете улики.

— Капитан Эрик Верну, — назвался полицейский. — Из первого подразделения судебной полиции. Кто вас вызвал?

Несмотря на досаду, он говорил тихо, словно боялся нарушить некую церемонию.

— Святой отец Саркис.

— До меня? А почему именно вас?

— Я его прихожанин.

Тот нахмурился, так что брови слились в сплошную черную линию.

— Вы — в армянском храме Иоанна Крестителя, — пояснил Касдан. — А я армянин.

— Как вы так быстро сюда добрались?

— Я уже был здесь. В церковной конторе на другом конце двора. Отец Саркис обнаружил труп и попросил взглянуть. Только и всего. — Он показал ру-

ки. — Перчатки взял в машине. Вошел через главный вход, как и вы.

— И ничего не слышали? Я хочу сказать, перед этим. Шум борьбы?

— Нет. Из конторы не слышно, что происходит в церкви.

Верну сунул руку под куртку и достал мобильник. Касдан не сводил глаз с цепочки и перстня с печаткой. Настоящий опер. Вульгарный увалень. Эти детали вызвали у него прилив нежности.

— Кому звоните? — спросил он.

— В прокуратуру.

— Уже.

— Что?

— Я связался со своими бригадами.

— Вашими бригадами?

Снаружи на улице Гужона завывли сирены. Неф мгновенно заполнили криминалисты в белых комбинезонах. Несколько человек с хромированными чемоданчиками в руках уже поднимались на галерею. Шедший первым светло улыбался из-под капюшона. Уг Пьюиферра, один из руководителей службы криминалистического учета.

— Касдан! Неугомонный ты наш.

— Жив курилка, — улыбнулся армянин. — Ты здесь все прочеешь?

— Будь спок.

Верну то и дело переводил взгляд с криминалиста на отставного сыщика. Похоже, он был ошеломлен.

— Уходим, — приказал Касдан. — Все мы здесь не поместимся.

Не дожидаясь ответа, он спустился вниз. По всей церкви уже сверкали вспышки, и криминалисты с пакетиками в руках сновали между стульями, снимая отпечатки пальцев.

Справа от апсиды показался отец Саркис. Белый воротничок. Строгий костюм. Черные брови и волосы с проседью, как у Шарля Азнавура. Он дождался, пока Касдан подойдет поближе, и прошептал:

- Просто невероятно. Не понимаю...
- Ничего не украли? Все проверил?
- Что тут красть?

Святой отец говорил чистую правду. Армянская церковь отвергает идолопоклонство. Никаких статуй, совсем немного картин. В храме не было ничего, кроме масляной лампы и двух-трех позолоченных престолов.

Касдан молча смотрел на священника. Старик держался стойко. Черные глаза выражали покорность судьбе. Ту покорность, какую обретает народ, переживший две тысячи лет гонений, или человек, вся жизнь которого прошла в изгнании, а родня уничтожена геноцидом. И виновные отказываются признать свое преступление.

Он оглянулся. Неподалеку Верну, отвернувшись от него, что-то шептал в телефон.

Он подошел и прислушался.

— Откуда я знаю, что он тут делает? Ага... Как пишется фамилия? Без понятия. Как-как? Капкан?

— Кастет! — расхохотался у него за спиной армянин.

2

Первая картина изображала полководцев в битве при Аварайре: тогда, в 451 году, армяне восстали против персов. На второй был святой Месроп Маштоц, создатель армянского алфавита. Третья посвящалась знаменитым мыслителям, депортированным или погибшим во время геноцида 1915 года. Эрик Верну разглядывал бородатых людей, нарисованных на опоясавшей двор стене, а вокруг него гонялись друг за дружкой десятка два мальчишек. Он казался сбитым с толку, растерянным, словно приземлился на Марсе.

— Сегодня среда, — объяснил Саркис. — Только что закончился урок катехизиса. Обычно после него дети идут на хор. Сейчас бы уже вовсю пели. Скоро их родители заберут. Им позвонили. А пока пусть поиграют здесь, ладно?

Легавый из первого подразделения кивнул в ответ. Не слишком уверенно. Он поднял глаза к большому кресту из туфа, украшавшему стену рядом с фреской:

— А вы... Вы католики?

Касдан ответил не без издевки:

— Нет. Апостолическая армянская церковь — это православная восточная автокефальная церковь. Одна из церквей трех Соборов.

Верну вытаращил глаза.

— Исторически, — продолжал Касдан, повысив голос, чтобы перекричать мальчишек, — из христианских церквей армянская — самая древняя. Ее основали в первом веке от Рождества Христова два апостола. Потом у нас то и дело возникали разногласия с другими христианами. Соборы, споры... Например, мы — монофизиты.

— Моно... что?

— В нашем представлении Иисус Христос не был человеком. Он — Сын Божий, то есть Его природа исключительно божественная.

Верну хранил молчание. Касдан улыбнулся. Его всегда забавляло потрясение, которое вызывало в людях знакомство с миром армянской культуры. Его обычаями. Его верованиями. Его отличительными особенностями. Хмурый полицейский вытаращил блокнот. Проповеди ему осточертели.

— Ладно. Жертву звали... — Он сверился с блокнотом. — Вильгельм Гетц, верно?

Саркис, скрестив руки на груди, кивнул в ответ.

— Это армянское имя?

— Нет. Чилийское.

— Чилийское?

— Вильгельм не принадлежал к нашей общине. Три года назад наш органист вернулся на родину. Мы искали ему замену. Музыканта, который мог бы также быть регентом хора. Кто-то посоветовал мне Гетца. Органист. Музыковед. Он уже руководил несколькими хорами в Париже.

— Гетц... — с сомнением повторил Верну. — Не слишком-то похоже на чилийское имя...

— Имя немецкое, — вмешался Касдан. — Многие чилийцы — немецкого происхождения.

Капитан нахмурился:

— Нацисты?

— Необязательно, — улыбнулся Саркис. — Насколько я знаю, семья Гетца обосновалась в Чили в начале двадцатого века.

Капитан постукивал по блокноту фломастером.

— Что-то я не пойму. Он чилиец, вы армяне — что у вас общего?

— Музыка. — Касдан помолчал и добавил: — Музыка и изгнание. Мы, армяне, сочувствуем беженцам. Вильгельм — социалист. Он подвергся репрессиям при Пиночете. Мы стали его новой семьей.

Верну продолжал записывать. Как видно, происходящее не слишком ему нравилось. Но в то же время Касдан чувствовал, что тот готов взяться за расследование.

— В Париже у него была семья?

— Кажется, нет. Ни жены, ни детей... — Саркис задумался. — Вильгельм был человек замкнутый. Очень скрытный.

Мысленно Касдан попытался набросать портрет чилийца. Два раза в месяц, по воскресеньям, он играл на органе во время службы и каждую среду репетировал с хором. Друзей в руководстве собора у него не было. Лет шестидесяти, худощавый, тихий. Призрак, скользивший вдоль стен, сломленный пережитыми страданиями.

Армянин прислушался к тому, что говорит Верну:

— Кто-нибудь имел на него зуб?

— Нет, — сказал Саркис, — не думаю.

— Может, политика? В Чили у него остались враги?

— Хунта пришла к власти в семьдесят третьем. Гетц приехал во Францию в восьмидесятых. Срок давности ведь истек? И военная хунта уже много лет не правит Чили. А Пиночет недавно умер. Все это — древняя история.

Верну продолжал писать. Касдан прикинул, каковы шансы, что дело останется у капитана. Вообще-то, прокуратура должна передать расследование уголовному отделу, разве что Верну удастся доказать, что у него уже есть серьезные зацепки и он быстро раскроет убийство. Касдан готов был поспорить, что так оно и выйдет. По крайней мере, он на это надеялся. Гораздо легче манипулировать этим тяжеловесом, чем своими бывшими сослуживцами по уголовке.

— Как он здесь оказался? — продолжал капитан. — Я имею в виду, один в церкви?

— По средам он приходил пораньше. Пока ждал детей, играл на органе. Я обычно в это время заглядывал к нему, поздороваться. И сегодня пришел...

— В котором точно часу?

— В шестнадцать пятнадцать. И обнаружил его наверху. Тут же позвал Лионеля, он ведь бывший полицейский. Он наверняка вам сказал. Потом позвонил вам.

Касдан вдруг осознал, что, когда Саркис нашел труп, убийца, вероятно, был еще на галерее. Он убежал, пока священник ходил за Касданом. Явись он несколькими секундами раньше, они могли бы столкнуться на каменной лестнице.

Верну обратился к Касдану:

— А вы-то что делали в конторе?

— Я возглавляю несколько сообществ, связанных с нашим приходом. В следующем году мы проводим кое-какие мероприятия. Две тысячи седьмой объявлен во Франции годом Армении.

— Что за мероприятия?

— Как раз сейчас готовимся к встрече армянских детей, изучающих французский язык. В феврале они приезжают на благотворительный гала-концерт Шарля Азнавура во дворце Гарнье. Мы их называем юными посланцами и...

У него зазвонил мобильный.

— Извините.

Он отошел в сторону:

- Алло?
- Мендес.
- Ты где?
- А ты как думаешь?
- Я сейчас.

Касдан еще раз извинился перед Саркисом и Верну и выскользнул через дверцу, ведущую в неф. Рикардо Мендес — один из лучших специалистов Института судебной медицины. Старый задира родом с Кубы. В уголовке все его звали Мендес-Франс¹.

Судебный эксперт как раз спускался по лестнице, когда Касдан подошел к освещенному свечами главному входу. Они сдержанно поздоровались.

- Что скажешь? От чего он умер?
- Понятия не имею.

На коренастом Мендесе был помятый бежевый плащ. Цвет лица напоминал сигару, а волосы — сигарный пепел. Под мышкой он всегда держал старый учительский портфель, словно торопился на урок.

— Ран нет?

— Пока ничего такого не видел. Надо дождаться вскрытия. Но при поверхностном осмотре — нет. Одежда не порвана.

— А кровь?

— Кровь есть, но раны нет.

— Что ты об этом думаешь?

— Думаю, это кровь из естественного отверстия. Из рта, из носа, из ушей. Или рана под волосяным покровом. Там всегда сильно кровоточит. Но точно пока ничего не скажу.

— Смерть могла быть естественной? Я хочу сказать, от болезни? Может, инсульт?

— И не надейся, — усмехнулся кубинец. — Мужика замочили. Сто пудов. Но чтобы выяснить как, мне придется в нем, так сказать, порыться. К вечеру буду знать больше.

---

¹ *Пьер Мендес-Франс* (1907–1982) — премьер-министр Франции в 1954–1955 гг. и министр иностранных дел в 1954 г.

Мендес слегка присюсюкивал, словно персонаж испанской оперетты.

— Я не могу ждать, — сказал Касдан. — Через несколько часов дело у меня заберут. Понимаешь?

— Еще бы. Сам не знаю, почему я с тобой разговариваю...

— Потому что я здесь у себя дома, а какой-то негодяй осквернил храм моих отцов!

— Когда тело перевезут на набережную Рапе, это будет уже не у тебя дома, приятель. Там ты — легавый в отставке, который всех достал своими вопросами.

— Ты мне сообщишь?

— Звякни, так и быть. Только на копию протокола не рассчитывай. Кое-чем я с тобой поделюсь. Но не больше.

Кубинец попрощался на ковбойский манер, коснувшись указательным пальцем виска, и вышел, прижимая рукой портфель. Касдан окинул взглядом неф, сверкавший в свете прожекторов. Четыре арки, обрамлявшие зал, изображение Богоматери под балдахинном. Он приходил сюда каждое воскресенье на службу, больше двух часов внимал песнопениям и вдыхал запах ладана. Это место стало для него чем-то вроде второй кожи, неизменно согревавшей и дарившей чувство защищенности. Обряды. Голоса. Знакомые лица. Кровь Армении, текущая в венах.

На лестнице послышались шаги. Уг Пюиферра на ходу мотнул головой, сбрасывая капюшон. С первого взгляда армянин догадался, что он возвращается не с пустыми руками.

— След обуви, — подтвердил криминалист. — Среди кровавых брызг. За трубами органа.

— След убийцы?

— Скорее свидетеля. Тридцать шестой размер. Или убийца карлик, или, как я предполагаю, там стоял кто-то из ребятишек, поющих в хоре. И все видел.

Касдану тут же вспомнились детские голоса во дворе. Он представил себе эту сцену. Один из мальчиков зачем-то идет к Гетцу. Застает органиста в момент встре-

чи с убийцей. Прячется за трубами. Потом спускается назад. Он в шоковом состоянии и никому не говорит о том, что произошло у него на глазах.

Касдан схватил мобильник и позвонил Ованесу, ризничему:

— Касдан. Мальчишки еще здесь?

— Собираются по домам. Почти все родители уже приехали.

— Планы изменились. Никто из ребят не выйдет из церкви, пока я их не допрошу. Никто, понял?

Нажал отбой и посмотрел прямо в глаза Пюиферра:

— Окажешь мне услугу?

— Нет.

— Спасибо. Ничего не говори Верну, парню из судебной полиции. Я имею в виду, пока.

— Я сажусь писать рапорт.

— Договорились. Но Верну узнает об отпечатке, только когда получит рапорт. Это даст мне два-три часа форы. Ты ведь можешь это сделать?

— Он получит рапорт сегодня вечером, до полуночи.

Э

— Как тебя зовут?

— Бенжамен. Бенжамен Зирекян.

— Сколько тебе лет?

— Двенадцать.

— Где ты живешь?

— Пятнадцатый округ, улица Коммерс, дом восемьдесят четыре.

Касдан записал все ответы. Пюиферра поделился с ним кое-какими подробностями. По его словам, бороздки на отпечатке указывают на кроссовку фирмы «Конверс». «На мне такие же», — добавил криминалист. Касдан велел Ованесу найти мальчишку в «конверсах». Ризничий привел к нему семерых — все в двухцветных кроссовках. Очевидно, лидер продаж зимы 2006 года.

- Ты в каком классе?
- В пятом.
- Где учишься?
- В коллеже Виктора Дюруи.
- И поешь в хоре?

Короткий кивок. Он допрашивал уже третьего мальчика, но добился только односложных ответов, перемежавшихся паузами. Касдан и не рассчитывал на внезапную откровенность. Скорее он высматривал следы замешательства, психологической травмы у ребенка, видевшего убийство. Но пока ничего не заметил.

- Какая у тебя тесситура?
- Чего?
- Каким голосом поешь в хоре?
- Сопрано.

Касдан пометил и это. На данном этапе расследования следует учитывать любую деталь, даже не связанную с убийством.

- Что вы сейчас репетируете?
- Одну штуку к Рождеству.
- Какую?
- «Аве Мария».
- Это ведь не армянское произведение?
- Нет. Шуберт, кажется.

Саркису пришлось позволить такое отступление от православных устоев. И Касдану это не понравилось. *Все теряется.*

- А сам играешь на каком-нибудь инструменте?
- На пианино.
- Нравится?
- Не очень.
- А что тебе нравится?

Новое пожатие плечами. Они сидели на кухне, под приходской конторой. Другие дети ждали рядом в библиотеке. Армянин перешел к хронологии событий.

- Куда ты пошел после катехизиса?
- Во двор. Играть.
- Во что?
- В футбол. Ребята мяч принесли.

- Ты не возвращался в церковь?
- Нет.
- А к месье Гетцу не заходил?
- Нет.
- Точно?
- Я не подлиза.

Мальчишка произнес это хриплым голосом, слишком серьезным для своего возраста. В белой рубашке, свитере с крупным узором и вельветовых брюках, он был ниже остальных на целую голову. Образ пай-мальчика завершали большие очки. Однако в нем чувствовался скрытый вызов, желание избавиться от ярлыка маменькиного сынка. Он то и дело ежился, будто свитер кололся.

- Какой у тебя размер обуви?
- Не знаю. Вроде тридцать шестой.

Возможно, ему следовало действовать иначе. Изъять каждую пару «конверсов». Подписать их. Пронумеровать. Сдать криминалистам для исследования. Но полагаться на это нельзя — испуганный ребенок мог и вымыть кроссовки. А главное, для такой процедуры у него не было полномочий.

- О'кей, — сказал он. — Можешь идти.

Мальчишку как ветром сдуло. Касдан взглянул на свой список. Первый мальчик, Бриан Зараслян, оказался более разговорчивым. Спокойный коротышка девяти лет от роду. Выслушав его, Касдан пометил в нижней части карточки: *нет*. Со вторым, Кевином Дадаяном, одиннадцати лет, пришлось повозиться. Массивный, широколобый, черные волосы пострижены почти под ноль. На вопросы отвечал односложно. Но никаких признаков смятения. *Нет*.

В дверь постучали. Вошел четвертый парнишка. Долговязый, растрепанный. Узкая черная куртка, белая рубашка, разметавшая по плечам концы воротника, похоже на два бледных крыла. Вылитый лидер рок-группы.

Давид Симонян. Двенадцать лет. Живет в Шестом округе, улица Ассас, дом двадцать семь. В пятом классе лицея Монтеня. Альт. Тридцать седьмой размер.

— Ты ведь сын Пьера Симоняна, гинеколога?

— Ага.

Касдан был знаком с его отцом, принимавшим пациентов в Четырнадцатом округе, на бульваре Распай. Спросив, как дела у отца, он замолчал, краем глаза наблюдая за мальчиком и пытаясь уловить хотя бы отзвук, тень страха. Ничего.

Попробовал зайти с другого конца:

— Месье Гетц был симпатичный?

— Ничего себе.

— Строгий?

— Да так. Он был... — мальчик задумался, — как его партитуры.

— В смысле?

— Говорил как робот. Вечно одно и то же. «Тяни ноту», «держи дыхание», «четче» и все такое... Он нам даже баллы ставил.

— Баллы?

— Ну, за пение, за то, как стоишь на сцене, за осанку... Записывал после каждого концерта. А на фига они нам?

Касдан представил себе, как Гетц дирижирует поющими мальчиками, цепляясь к мелочам, которые, кроме него, никого не интересуют. За что можно убить такого грустного и безобидного человечка?

— А вне занятий он с вами разговаривал?

— Нет.

— Он когда-нибудь упоминал свою родину, Чили?

— Никогда.

— Ты знаешь, где это?

— Да нет. Мы по географии Европу проходим.

— Ты сегодня играл во дворе?

— Ну. Мы всегда по средам играем, после катехизиса.

— Ничего странного не заметил?

— В смысле?

— Никто из ребят не выглядел испуганным? Не плакал?

Мальчуган изумленно посмотрел на него.

— О'кей. Позови следующего.

Касдан уставился на крест над холодильником. Взглянул на раковину из нержавеющей стали и на кран: в горле пересохло, но он не хотел пить. Только не расслабляться. Не распускаться. Он напомнил себе, что один из мальчишек видел убийцу. Черт побери. Свидетели на дороге не валяются...

Дверь открылась. Показался пятый мальчишка. Маленький, но уже денди. Черные волосы якобы небрежно растрепаны, спадая на лоб косою челкой. Глаза очень светлые, почти бесцветные. На нем был защитный костюм и рюкзак, похоже набитый камнями. Сутулый, насуспенный, в руках он вертел какую-то плоскую коробочку. Видеоигра. У Касдана на миг закружилась голова. Мобильник. Интернет. Аська... Поколение, перекормленное технологиями, картинками, звуками, непонятными знаками. Он опросил парня. Арут Захарьян, десять лет, Восемнадцатый округ, улица Ордоне, семьдесят два. Предпоследний класс начальной школы на улице Каве. Сопрано. Тридцать шестой размер. Паренек не выпускал из рук игрушку. Нервный, но не более того. Касдан наудачу задал ему пару-тройку наводящих вопросов. Все впустую. Следующий.

Элиас Кареян, одиннадцать лет. Улица Лабрюйер, дом тридцать четыре. В шестом классе лицея Кондорсе. Бас. Тридцать шестой размер. Особые приметы: скрипач, дзюдоист. Болтает без умолку. По средам, после хора, ходит на занятия боевыми искусствами. А сегодня из-за этого дурдома пропустил тренировку. Попробуй теперь получить оранжевый пояс! *Следующий.*

Тимоте Аветикян. Тринадцать лет. Одного взгляда на его кроссовки Касдану хватило, чтобы понять — не тот. Очень высокий, размер обуви не меньше тридцать девятый. Для проформы он все же провел допрос. Живет в Баньоле, улица Сади-Карно, сорок пять. Учится в четвертом классе. Бас. Увлекается гитарой. Электрической, грохочущей, с насыщенным звуком. Отставной полицей-

ский сфотографировал его взглядом: жесткие волосы, круглые очки. С виду больше похож на примерного ученика, чем на культового гитариста.

Между шестнадцатью и шестнадцатью тридцатью Тимоте был во дворе, разговаривал с подружкой по мобильному. Последний взгляд в круглые очки. Ни двойного дна. Ни секретов.

— Можешь идти, — разрешил армянин.

Кухонная дверь закрылась, оставив за собой тишину — и крест.

Касдан взглянул на свой список: ничего.

Шанс сдвинуться с мертвой точки не оправдался.

Девятнадцать тридцать.

Касдан поднялся.

Он знал, что ему делать дальше.

Но сначала надо съездить в Альфорвилль — за угощением.

4

В холле возвышались мраморные бюсты бывших директоров Института судебной медицины: Орфила (1819–1822), Тардые (1861–1879), Бруарделя (1879–1906), Туано (1906–1918) ...

— Честно говоря, ты раздался.

Касдан обернулся: показался Рикардо Мендес в зеленом халате, на шее бедж «ИСМ». В этом одеянии он из испанской оперетты перескочил в серию «Скорой помощи». Но смуглая кожа осталась при нем, а вместе с ней солнечное, золотистое очарование островов Карибского моря.

Касдан подмигнул ему и показал на статуи:

— Может, однажды и ты здесь окажешься?

— Ты меня достал. Я же сказал, что сам позвоню.

Армянин помахал стеклянной бутылкой и пластиковым пакетом:

— Тебе нужен перерыв, по глазам вижу. А я принес ужин!

— Некогда. Я по локоть в формалине.

Отставной полицейский указал на окна, за которыми темнел центральный сад:

— Устроим пикник на свежем воздухе, Рикардо. Закусим, выпьем по маленькой, и я тут же свалю.

— Ну достал... — Он снял перчатки и сунул в карман. — Пять минут, не больше.

Еще в девяностых годах по настоянию директрисы Института судебной медицины профессора Доминик Ле-конт двор морга превратили в цветущий сад. Место от-дыха, засаженное кустами самшита и сирени, ландыша-ми и нарциссами. Слева плакучая ива склонилась над фонтаном. Пусть и без воды, его круглый светлый бас-сейн действовал умиротворяюще. Правую стену укра-шала роспись. Полустертые женские фигуры, в томных позах застывшие на фоне кирпичных сводов. Старые приятели расположились на скамье, которую, похоже, кто-то приволок сюда из общественного сада. Касдан вынул свертки в алюминиевой фольге. Осторожно раз-вернул один:

— Пахлава. Это вроде блинов с начинкой из меда и орехов.

— Их что, под мышками раскатывают? — приснул Мендес.

— Попробуй, — сказал Касдан, протягивая ему бу-мажную салфетку. — А потом уже смейся.

Патологоанатом взял одну из лепешек, нарезанных треугольными кусками, и стал есть. Касдан последовал его примеру. Оба смаковали лакомство молча. Поодаль слышался гул машин на скоростном шоссе, проходившем за моргом, и время от времени с гудком проносились поезда надземного метро.

— Смотрел новости? — Касдан решил завязать раз-говор. — В Ассамблее наши дела продвигаются. рассмат-ривают проект закона...

— Предупреждаю, — выговорил Мендес с набитым ртом. — Если ты заведешься насчет армянского геноци-да, я лучше сразу перелезу через стену и брошусь под ко-леса на шоссе.

— Ты прав. Мне надо следить за собой. Я стал повторяться.

— Ты всегда повторялся.

Касдан рассмеялся и снова порывлся в пакете. Извлек из него два пластмассовых стаканчика и наполнил их густой белой жидкостью.

— Мацун, — пояснил он. — Это такой йогурт. А ты знаешь, что йогурт придумали армяне?

Они чокнулись. Мендес снова взялся за пахлаву.

— Вкусные фиговины. Ты их сам готовишь?

— Нет. Одна знакомая. Вдова из Альфорвилля.

— Просто находка.

— Настоящая жемчужина.

У них над головами прогудел поезд.

— Вдовы... — задумчиво повторил кубинец. — Мне бы тоже стоило о них подумать. При моей-то профессии — плевое дело.

Касдан снова наполнил стаканчики и, смеясь, провозгласил:

— За мужскую смертность.

Они выпили и замолчали. Из рта у них вырывались облачка пара. Касдан поставил стаканчик и скрестил руки.

— Думаю скоро отправиться в путешествие.

— Куда?

— На родину. И в этот раз — по большому кругу.

— Какому кругу?

— Старина, если бы ты меня чаще слушал, то знал бы, что Армению самым скандальным образом растащили на части. От трехсот пятидесяти тысяч квадратных километров исторической территории осталось маленькое государство, занимающее десятую часть этих земель.

— И куда делось все остальное?

— Главным образом перешло к Турции. Я сменю имя и пересеку границы Анатолии.

— А имя-то зачем менять?

— Затем, что, если ты приехал в Турцию и у тебя армянская фамилия, мало тебе не покажется. А если вздумаете отправиться на гору Арарат, к тебе приставят военный конвой, и нет никакой уверенности, что ты оттуда вернешься.

— И что ты там забыл?

— Хочу посмотреть на первые в мире церкви. Когда в римских цирках христиан бросали на растерзание зверям, мы, армяне, уже возводили храмы. Я хочу обойти все места, где строительство велось еще в пятом веке. Мартирии — усыпальницы, в которых покоились останки святых мучеников. Часовни, выдолбленные в скалах, стелы... А потом посету базилики золотого седьмого века. Я уже набросал маршрут.

Мендес взял еще пахлавы:

— Хрен знает что, а вкусно.

Касдан улыбнулся. Он дожидался, когда еда окажет свое действие. Мед, орехи, сахар. Все эти компоненты попадут кубинцу в кровь и погасят его попытки к сопротивлению. Патологоанатом тем временем грыз пахлаву, даже не подозревая, как она изнутри подгрызает его самого.

— Ладно, — произнес наконец армянин. — Что же тебе поведал этот труп?

— Сердечная недостаточность.

— Ты же клялся, что это убийство!

— Дай договорить. Сердечная недостаточность, вызванная острой болью.

Касдан подумал о крике, застрявшем в органе.

— А точнее, болью в барабанных перепонках. Кровь вытекла из ушей.

— Ему прокололи барабанные перепонки?

— Вот-вот. Барабанные перепонки и вообще орган слуха. Это установлено специалисткой-отоларингологом. По всей видимости, убийца с силой воткнул ему в каждое ухо что-то острое. И я неспроста говорю о силе. Будь такое возможно, я бы назвал вязальную спицу и молоток.

Гранже Ж.-К.

Г 77 Мизерере : роман / Жан-Кристоф Гранже ; пер. с фр. А. Ратай. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 512 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-07962-5

В армянском соборе Святого Иоанна Крестителя в Париже убит чилийский беженец Вильгельм Гетц, регент хора мальчиков и органист. Касдан, офицер полиции в отставке и прихожанин собора, немедленно начинает собственное неофициальное расследование. К нему присоединяется Волокин из отдела по защите прав несовершеннолетних. Оказывается, в прошлом исчезло несколько мальчиков из хоров, которыми руководил Гетц. За первым преступлением следуют еще более кровавые убийства. Между полным опасностей расследованием, в которое пускаются герои, и старинным хоралом «Мизерере» существует таинственная связь...

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ЖАН-КРИСТОФ ГРАНЖЕ

МИЗЕРЕРЕ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Татьяны Якутович
Корректор Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

Подписано в печать 15.07.2019.

Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 22,56. Заказ № .

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MBD-15965-07-R